

МАРТА КРАЕВСКАЯ

ИДИ
И
ЖДИ
МОРОЗОВ

Марта Краевская
Иди и жди морозов
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/56288564>
Иди и жди морозов: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-115255-0

Аннотация

<p>В лесах Волчьей Долины верховодят лешие, в озерах водятся утопленницы, по ночам бродят призраки и упыри. Это уединенный край, которым когда-то владели оборотни, но сейчас от них остались одни страшные сказки да развалины крепости в лесах. Здесь у каждого села есть хранитель, но последний погиб в схватке с нечистой, и теперь его приемная дочь, травница Венда, обязана защищать местных жителей – вот только для такой ноши ей не хватает ни опыта, ни возраста. Но выбора у нее не остается, и теперь она не только заботится о людях, но и борется с собственными страхами, сомнениями и подступающим безумием из-за огромной ответственности. А тут еще проходит слух, что

в долину возвращается Да Верн, последний оборотень, которого все считали мертвым. И Волчью Долину охватывает страх, так как, возможно, Да Верн пришел мстить за смерть собственных детей.</p>

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Право мужей и отцов	8
Глава 2. Они среди нас	31
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марта Краевская

Иди и жди морозов

Marta Krajewska

IDŹ I CZEKAJ MROZÓW

Copyright © Marta Krajewska

© Ирина Шевченко, перевод, 2020

© Елена Шевченко, перевод, 2020

© Василий Половцев, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

– Волчья Долина, – прохрипел старик. – Не ходите дальше...

Он закашлялся кровью, внезапно вытянувшись как струна, протяжно застонал, скрючившись в предсмертных судорогах, и вот уже мертвые глаза таращились на верхушки деревьев.

Женщина в красивых одеждах наклонилась, чтобы слышать его слова, на мгновение замерла над телом, словно ожидая, что старик еще что-то скажет, протянула руку и закрыла ему глаза. Затем выпрямилась, расправила кроваво-красное платье.

Горный лес был окутан вечерним туманом. За спиной путешественницы нетерпеливо топтались два коня. Они устали, так как всадники бродили среди деревьев с самого утра.

– Что он сказал? – спросил вооруженный мужчина, наклоняясь в седле. – Куда на тракт?

В раздумьях, его спутница медленно повернулась, поправила лютню, привязанную к седлу.

– Не успела спросить. Придется тут заночевать, похоронить его. Но мы уже близко. Этот человек – хранитель долины. Я рассказывала тебе о нем, – повысила она голос и еще раз взглянула на старика. После смерти его лицо словно разгладилось, оно смотрелось так странно рядом с жестоко

растерзанным телом и окровавленной культей вместо правой руки.

Тот, кто ее оторвал, утащил добычу с собой.

Глава 1. Право мужей и отцов

Дочь знахаря бежала через лес, лавируя между соснами. На лице застыло упрямство, а темные волосы спутались от быстрого бега. Сейчас она думала только о том, чтобы не споткнуться о корень или не попасть ногой в скрытую под листвой нору. Судя по выражению глаз, вперед ее гнала ярость. Стрелой она выскочила на поляну, раздвигая на бегу ветки деревьев, растущих на краю леса. Перепрыгнула нагретый солнцем куст ежевики. Зацепилась ногой за прошлогоднюю лозу, потеряла равновесие и, коротко взвизгнув, упала на траву.

– Демоны Велеса! – выругалась она, быстро поднимаясь.

– Муу-уу!! – ответила ей корова, удивленная неожиданным появлением хозяйки.

Раздраженно отряхивая платье, девушка внезапно замерла, резко выпрямилась и пружинистым шагом подошла к животному, которое все еще непонимающе тарасилось на нее.

– Ах ты, зараза! – крикнула она, а корова от удивления перестала жевать. – Я собственными руками оторву твою рогатую... – Она внезапно замолчала, заметив сидящих рядом на траве женщину и девочку. – голову, – закончила она медленно. – Здравствуйте, госпожа Вильо.

Женщина едва заметно кивнула головой, еле сдерживая смех.

– Привет, Венда.

Госпожа Вильо отличалась тем типом красоты, которая не поддается влиянию времени. Сколько Венда помнила, Вильо всегда выглядела так, и ни беременность, ни роды, ни трудная жизнь в горах не испортили ее фигуру. Черные как смоль до пояса волосы падали на спину прямыми, тяжелыми прядями, сияя на солнце. Черные глаза искрились весельем.

С запутанными волосами и покрасневшимся от бега лицом Венда ощущала себя огромной и неуклюжей. И к тому же была абсолютно уверена, что госпожа Вильо никогда не гонялась за коровой по лесу и не приземлялась на куст ежевики. И уж, конечно, не при свидетелях.

– Так и думала, что в конце концов ты придешь, – женщина усмехнулась, движением головы указывая на корову. – Снова убежала?

Девушка кивнула, присаживаясь на траву.

– Приходится постоянно следить за ней, – буркнула она угрюмо. – Ну а как иначе? У меня столько работы, а хранитель постоянно или решает какие-то страшно важные дела, или людей лечит. Лучше бы детям поручил пасти корову, но он настаивает, и что бы я ни говорила – не уступит. Все время слышу, что за горами коровы на привязи пасутся и как-то не убегают. Хотя хранитель знает лучше, жалко попусту слова тратить!

Вильо нежно улыбнулась дочери. Огоньку было пять лет, и по сравнению с матерью она выглядела несуразно. Рыжая,

конопатая, неуклюжая, очень похожая на своего некрасивого отца. Вильо любила дочь больше всего на свете, но в последнее время очень боялась за нее. Даже сейчас в ее голове роились тысячи страхов.

Она решила сменить тему разговора.

– Придирается к тебе хранитель, да?

Венда всегда становилась разговорчивой, когда что-то сильно ее возмущало. Однако в этот раз она только хмыкнула под нос и буркнула:

– О да. Придирается. Очень придирается... Но знаете, это не в первый, не в последний раз, – усмехнулась она.

– Право мужей и отцов.

Венда невыразительно фыркнула, не желая дальше жаловаться на приемного отца. Это бы заставило ее нервничать. Она оперлась на локти и уставилась перед собой.

Луг тонул в лучах весеннего солнца. С трех сторон его окружал лес, создавая уютный уголок, наполненный пением птиц. Самым красивым тут было озеро, огороженное от поля рваной полосой камыша. Оно призывно искрилось на солнце, но в нем таились водовороты и коварные глубины, готовые превратить невинную забаву в борьбу за жизнь. Люди говорили, что ночью в солнцестояние на берег выходят русалки, водяные, утопленники и другая нечисть, чтобы танцевать при свете луны. И беда тому, кто им в таких забавах помешает.

Минуту было слышно только пение птиц.

– Ну что там говорить, – наконец произнесла молодая знахарка. – Забираю это божье наказание, – она махнула в сторону коровы, – и возвращаюсь к себе, пока она не сожрала тут всю прекрасную траву. Пошли, ты... корова, – буркнула она, дергая веревку сильнее, чем это было нужно.

Огонек вежливо отступила назад, когда животное двинулось с места. Венда мило улыбнулась девочке и подмигнула ей.

И вдруг почувствовала, как сильно забило в висках. В ушах зашумело, она прикрыла глаза и скривилась от боли.

Время замедлилось, словно камень застрял в шестернях машины мира. Затих ветер в кронах деревьев. Прервали птицы свою трель. Замер теплый воздух. Воцарилась не столько тишина, сколько полное отсутствие какого-либо звука.

И в эту странную минуту знахарка видела только лицо маленькой девочки, которая стояла по колено в траве, с ураганом рыжих локонов вокруг лица, и неестественно черными глазами смотрела на Венду.

– Это сова ее напугала, – произнесла девочка чужим, взрослым голосом. – Если войдешь туда, волк не сможет тебя спасти.

У Венды пищало в ушах, виски пульсировали болью.

– Ч... что? – простонала она.

Все снова пришло в движение.

Зашумели деревья, запели птицы, корова сделала следующий шаг, кузнечики затрещали в траве.

Девушка удивленно заморгала. Привиделось? Потом она заметила, что глаза Огонька, стоящей по колено в траве, с ураганом рыжих локонов вокруг лица, оказались голубыми, как летнее небо.

– Ой... мамочка?! – Ребенок задрожал и испуганно присел на корточки.

Из ее носа потекла струйка крови. Вильо кинулась к дочери и начала вытирать ей лицо платочком, пытаясь скрыть волнение и ужас за успокаивающими словами. Венда наблюдала за ними с замешательством. И со страхом.

Она громко сглотнула слюну и задала типичный, глупый вопрос:

– Что?..

– Ох, ничего страшного! – женщина махнула рукой. – В последнее время с ней такое бывает. Немножко крови. Наверное, у Огонька ее слишком много, для такой маленькой девочки, – сочувственно улыбнулась она и обняла пухлые плечи ребенка. – Уже получше, малышка? Не крути головой, иначе... ну вот видишь, опять.

Девочка послушно отклонила голову назад, не отрывая глаз от лица матери.

Венда смотрела на Огонька, но никак не могла понять, что же собственно произошло.

– Она и раньше так говорила? – спросила Венда. Воспользовавшись случаем, корова осторожно выдернула веревку из рук Венды и почтительно удалилась.

Вильо подняла на знахарку растерянный взгляд.

– Что говорила? «Мамочка»? Естественно, говорила. А почему?..

– Нет, не это! – нетерпеливо прервала ее Венда. – Проволка и сова, и... – Она замолчала, потому что наткнулась на полный непонимания взгляд. – Ну... такие странные вещи...

Она замолчала, внезапно ощутив себя идиоткой. По крайней мере, она посмотрела на себя глазами Вильо и увидела идиотку. Сейчас она и сама не была уверена, что минуту назад что-то произошло, просто немного крови из носа малышки, а ей самой привиделось.

– Ну это... я уже пойду, – тихо произнесла она, наблюдая за Огоньком.

Малышка прижимала платок матери к носу и дышала открытым ртом. И кроме этого не было ничего необычного.

Знахарка медленно развернулась и пошла за коровой. Когда она подняла веревку с земли, ее голову пронзила боль, от которой перед глазами закружились красные пятна, а в ушах зашумело.

– Мама, у меня голова болит, – услышала она за спиной детский голос и снова на мгновение ощутила, что что-то не так, как должно быть. Она оглянулась на две фигуры и с тревогой в сердце пошла домой.

Они следили за ней из-за деревьев. Видели, как задумчивая девушка ушла, уводя с собою корову. Смотрели, как молодая женщина вытерла последние следы крови с лица малышки. Наблюдали за тем, как девочка оттолкнула руку женщины, пытаясь подняться, но снова упала на траву. Мать журила ее, стараясь придать голосу хоть немного твердости.

Старуха хмыкнула под окровавленный нос, и ее лицо покрылось паутиной мелких морщинок. Она прожевала то, что было в ее беззубом рту, после чего сплюнула в сторону. Рослый мужчина, возвышавшийся над старухой, даже не обратил внимание на кровавый комок, что попал ему на ногу.

Оба сосредоточенно наблюдали за сценою, что разыгралась на поляне, замерев в ожидании. Мужчина с волчьими глазами, сросшимися бровями и обветренным упрямым лицом был больше похож на лесное существо, чем на человека. А сгорбленная старуха, что доставала ему едва ли до пояса, был окутана запахом трав и аурой безграничной, неисчерпаемой злобы.

Они стояли и смотрели.

Смотрели и ждали.

Тропинка вела между деревьев вглубь весеннего леса, между сосен и елей с молодыми, зелеными ветвями, между папоротника и ягодных кустов, аж до старой часовни, стоящей под еще более старым, буйным дубом со скрюченными от времени сучьями.

Весело щебетали птицы, тихо шумел дуб.

Атра впитывала этот прекрасный день, этот чудесный миг всем своим естеством. Всем своим семнадцатилетним, стройным и гибким телом. Кошачий взгляд скользил по окрестностям, не задерживаясь на деталях. Золотые локоны, раскиданные по траве, блестели, ловя солнечные лучи в медных отблесках. Круглые, молодые груди поднимались и опускались в такт возбужденному дыханию. Стройные ноги, освобожденные из плена тяжелых юбок, жадно оплетали узкие, лишь наполовину реальные бедра любовника. Ее ладони нежно блуждали по его спине, деликатно царапая прохладную кожу.

Когда он сильно, почти грубо прикусил розовый сосок, она застонала, задохнувшись лесным воздухом. Сильнее сжимая его холодные бедра, она напряглась, когда неожиданно пришла долгожданная волна удовольствия. С влажных, полуоткрытых губ сорвался стон, Атра прикрыла глаза и отдалась наслаждению. Сквозь феерию золота под века-

ми она почувствовала, как он догоняет ее, как болезненно и восхитительно впивается в ее груди. Она погрузила пальцы в черную шевелюру и прижала его к себе еще сильнее.

С силой. С жадностью.

Золотые вспышки медленно исчезали, ускоренное дыхание замедлялось, дикость сменялась спокойным покачиванием.

Атра усмехнулась, снова услышала щебетание птиц и успокаивающий шум старого дуба.

Она ощутила, что снова осталась одна. Как обычно, без лишней сентиментальности, ее партнер ушел не попрощавшись. Как будто в тумане, она слышала его шаги. Они не отдалялись, а быстро и решительно приближались. Она поправила одежду.

– Атра, ну как обычно! – грубый голос вырвал ее из блаженства. – Ну я так и знал, что ты будешь тут. Идем, твой отец хочет с тобой поговорить. Мне кажется, это что-то важное.

Она открыла глаза и неспешно потянулась. Вытащила несколько шпилек из буйной шевелюры и сладко зевнула.

Ее сосед, молодой Ирке, сын пасечника, упер руки в боки и с высоты рассматривал ее критическим взглядом. Потом выдохнул, покачал с недоверием головой и сказал:

– Не знаю, что тебя так сюда тянет.

Она пожалала плечами с невинной улыбкой.

– Люблю тут вздремнуть, как-то так...

Никто не знал, что связанные цепями могил, проклятые навещали ее во снах.

Парень хмыкнул в ответ и растерянно огляделся.

– Вздремнуть, понятно. Полный покой...

Она одарила его сладкой улыбкой и поднялась, от недавней забавы у нее закружилось в голове. Ирке оглядел ее полным недоверия взглядом.

– Нет ничего лучше, чем вздремнуть у ворот Кладбища Проклятых, – язвительно сказал он. – Прекрасное местечко, Атра.

Девушка скользнула взглядом по кривому, запавшему надгробью, стоящему рядом в траве. Она поправила платье, спадающее с плеч.

– Лучше не придумаешь... – непонятно пробормотала она и потянулась как кошка.

* * *

Сердцем долины было озеро, созданное двумя встречающимися тут ручьями. В зеркальной поверхности отражались деревянные избы, крытые соломой. Они жались на берегу, низкие и в основном без окон. Украшали их только медленно зеленеющие после зимы сады. Белый дым поднимался из отверстий в крышах. В маленьких хозяйствах кудахтали куры, сонно мычали драгоценные коровы и волы. Несколько свиней рылись в отходах между постройками, окруженными

плетеными заборами. Деревушка стояла тут сотни лет, при- таившаяся в горной долине, забытая всеми.

Хотя не всегда тут было так спокойно.

На холме виднелись руины старого замка. Его темные, молчаливые контуры выделялись на фоне неба. И если кто- то смотрел на него, возвращаясь с поля или спеша в корчму на кружечку чего-нибудь холодного, то не мог избавиться от впечатления, что замок следил за каждым его движением.

И, как в давние времена, он ждал жертвы.

Дни проходили лениво, а жизнь текла медленным, уста- новленным много лет назад, порядком. Но ночью... ночью ситуация менялась. То, что при свете дня ускользало от лю- дей, оставаясь незамеченным, после захода солнца набирало силу и отправлялось на охоту. Ночь не принадлежала людям, и жители Волчьей Долины знали об этом лучше, чем кто- либо другой. Руины замка на скальном выступе пробужда- ли воспоминания о недавних временах. А если какой-нибудь юнец не помнил их, если не верил рассказам... Его искали долго и настойчиво. Днем. Иногда, что было еще хуже, нахо- дили. И тогда по ночам вновь плотно закрывали двери.

В Волчьей Долине, у подножья старого замка, часто вспо- минали последних хозяев и вздыхали с облегчением, что все уже в прошлом.

Когда солнце клонилось к западу и большинство поле- вых работ откладывалось на следующий день, в корчме со- бирались несколько десятков мужчин. Когда они выходили

из изб, их жены суетились по хозяйству, укладывали детей или чинили портки – и провожали их напряженным, полным ожидания взглядом. Если бы они хотели, то тоже могли бы пойти в корчму, чтобы спорить и решать судьбу поселения. Обычно они так и делали, и часто именно они спорили громче всех. Но сегодня мало кто из них хотел выходить из дома вместе с мужьями. Не в этот вечер.

Мужчины собирались за длинной лавкой в углу, на небольшом возвышении для музыкантов, на котором уже давно не играла музыка. Хозяин Ярт наливал посетителям пиво и мед. Потом вставал рядом, опираясь плечом о столб и скрестив руки на груди. Его сын Имир вытирал кружки, ловя каждое слово их разговора. Он не был женат, потому не мог участвовать в споре, но он работал в корчме, и его не могли выставить, как других юношей.

– Прошло три дня, и никаких изменений, – заявил гробовым голосом усатый мужчина с изборожденным морщинами лицом земляного цвета.

Остальные присутствующие вздохнули с облегчением, и тихий шум достиг ушей Имира, находившегося у стойки.

– Тогда, может, это медведь? – предположил кто-то неуверенно. Его проигнорировали.

– Отступитесь уже от моего сына, – грустный крестьянин обвел взглядом собравшихся, между которыми он сидел. – Он не был умным парнем, но ничего плохого не делал. Пора предать его земле.

Несколько мужиков грустно закивали. Часть признавала правоту несчастного отца, но кто-то все еще боялся. Они смотрели в пол или ерзали на стульях.

– Думаю, пора перестать смотреть на мертвых, – наконец произнес Костьян, рыжий муж госпожи Вильо, владелец лучшего хозяйства в деревеньке. – Три дня достаточно. Скоро начнет... – Он хотел добавить «вонять», но замолчал под горделивым и полным боли взглядом отца убитого мальчика. – Скоро русалия, – сказал вместо этого. – Нужно закончить дело до праздника.

Он почувствовал, что это прозвучало не слишком тактично.

– Ладно, три дня! – тут же выкрикнул кузнец, крупный бородатый крестьянин, сидящий в конце стола. – Но полнолуние будет сегодня!

– Лучше сразу осиновый кол в сердце забить и не ждать! – выпалил молодой парень, после чего закашлялся в платок, почти выплевывая легкие.

Отец мертвого ребенка прищурил глаза, его лицо покраснело.

– Никаких кольев, Стоян! – он ударил кулаком по скамье. – Пока не будем уверены, что Винне воскреснет, никто не проткнет моего мальчика, как какую-то тварь с Кладбища Проклятых! – вспомнив это название, он сплюнул на пол с омерзением.

– Так лучше подождать, пока он в вампира какого превра-

тится и папашку первого растерзает, да?! – воскликнул Стоян и снова нервно закашлял в платок.

– Мы его к тебе отправим, труп ты ходячий! Самому уже и так жить недолго осталось, но первым кол вбивать и четвертовать других, ты... – Усатый вскочил с лавки, но сидящий рядом с ним Костьян схватил его за плечо железным захватом.

– Сядь, Тинне. Не будет никакого кола. Но кузнец прав, мы должны переждать полнолуние.

Крестьянин на конце стола едва заметно кивнул.

– Чего ждать? – возмутился скорбящий отец, вырвал руку и сел на место. – Три дня и три ночи мальчика в избе держали, следили и окуривали травами. Он не восстает. Это конец. Он мертвый, как колода, – он пытался злостью перекрыть отчаяние.

– Тинне, пойми нас, – присоединился к разговору молодой парень, недавно женившийся. Он усиленно пытался отпустить усы, но пока это выглядело скорее смешно. И голос у него был теплым и спокойным. – У нас маленькая деревня, мы можем рассчитывать только на себя. Я понимаю твою скорбь по единственному сыну, но сам знаешь – то, что мы должны сейчас сделать, мы делаем всегда. Мы не знаем, что его убило, но смерть была жуткая. А у нас семьи, моей Лани только полгода, о ней думать нужно. Еще одна ночь – и похороним твоего сына, уверенные, что все мы в безопасности. Пойми это.

Его мягкий голос успокоил негодующего отца.

На минуту воцарилась тишина. Ждали согласия Тинне. Мужчина с необъяснимым выражением лица смотрел в свою кружку с медом. Даже Стоян пытался сдержать навязчивый, кровавый кашель.

– Мы удерживаем Винне между миром живых и миром мертвых три дня и три ночи, – наконец произнес отец убитого мальчика. Он поднял глаза и встретился взглядом с шоколадными глазами напротив. – А это мог быть просто медведь. Попытайся понять, Ларс. Я хочу похоронить сына.

Собравшиеся выдохнули. Имир, стоявший за стойкой, только сейчас понял, что задержал дыхание, ожидая согласия отца Винне.

– Тинне, ты злишься на нас без причины, – молодой Ларс наклонился вперед, сплел пальцы, опираясь на стол так, словно хотел оказаться к собеседнику как можно ближе. – Я тоже хотел бы похоронить мальчика как нужно, мы не делаем этого не назло тебе, ты хороший сосед и уважаемый хозяин. Но медведя можно распознать по клыкам, когтям, остаткам шерсти. Хранитель разбирается в таких делах. Он не был уверен. Ты хорошо знаешь, что это он наказал сторожить мальчика. Если уж хранитель не знает, что это за зверь...

– Ну конечно, а где хранитель? – спросил глубоким басом кузнец, перебивая молодого человека. Все вдруг встревоженно стали переглядываться.

– Его сегодня не было, – со своего места возле столба

впервые отозвался Ярт. – Со вчера его тут не было.

– Мы должны подождать, что он скажет, – Стоян вытаращил свои водянистые глаза. – Мы не можем без него!..

– Странно, что он не пришел, – Костьян наморщил рыжие брови.

– Не пришел, значит, уже не придет, – решил кузнец. Всем было известно, что он один из немногих, кто не признавал непогрешимость хранителя во всех вопросах. – Самим надо решать.

И все снова посмотрели на Тинне.

А Тинне смотрел в кружку с медом, играл и вращал ее по дубовой столешнице.

– Тинне? – позвал его Ларс.

Отец мертвого мальчика вздохнул. Широкая грудь и намечающийся пивной животик поднялись и тяжело опустились.

– Одна ночь, – решительно заявил он, поднимая глаза на Ларса, хотя тот и был лидером группы не более, чем кто-либо другой. – Одна ночь. Сегодняшнее полнолуние, и все. А потом, клянусь Велесом, тот, кто встанет у меня на дороге к кладбищу, вернется к бабе без зубов.

* * *

Венда уже долго стояла возле окна, не решаясь закрыть его, все еще высматривая хранителя.

Задумавшись, она начала нервно теревить прядь волос. Чем темнее становилось, тем более чудовищные картинки возникали в голове, а страх сжимал сердце. Она снова вспомнила падающую звезду, которую заметила вчера, знак, что чья-то жизнь приближается к концу.

– Мясун?.. – ознаменовал свой приход проснувшийся кот, который полдня спал, а теперь застал пустую миску.

Девушка взяла его на руки. Он еще не успел похудеть после зимы и был мягким и теплым.

– Ну что? – вздохнула она, почесывая его порванное в драке ухо. – Не возвращается наш хранитель, не возвращается...

Она жалела, что вчера они поругались из-за пустяка.

* * *

Накануне она вошла в избу, он сидел, как всегда, за столиком под окном, склонившись над толстой книгой, куда медленно, аккуратно что-то писал.

Изба знахаря сильно отличалась от других изб в долине. Во-первых, там не было места для коровы из-за тесных сеней, а единственное окно было огромным для дома в деревне. И хотя ночью оно закрывалось деревянными ставнями, а на зиму вставлялась рама с бычьим пузырем, крестьяне крутили пальцем у виска из-за такой потери тепла. Еще сильнее их удивил стол, стоящий под окном. Хранитель поставил его так, чтобы свет падал лучше и не нужно было напрягать зре-

ние, ведь днем он много времени проводил над книгами.

И сейчас он тут сидел, а услышав звук отворяющихся дверей, не повернулся, не оторвался от писанины и не улыбнулся приемной дочери.

Венда безошибочно определила его настроение. В последнее время он часто был таким. Хмурился, бурчал что-то под нос, мрачно и раздраженно ворчал на нее.

Его все больше беспокоили мелкие болезни, все чаще он мазался странными мазями, которые она не могла распознать, готовил и пил мутные отвары с одурманивающим запахом. Стареет, думала девушка и старалась не обращать внимание на колкости, смену настроения и нервозность хранителя. «Не отвечай, – повторяла она себе все время, – спокойствия ради».

Со стуком она поставила на пол ведро с вечерним удоем. Молока было не так уж много, но для них двоих и кота вполне хватало.

Хранитель поднял голову и задумчиво посмотрел в окно. Венда процедила молоко, а он все еще сидел в той же позе, с пером, занесенным над бумагой, слегка прищурившись. Она кидала на него косые взгляды, потом посмотрела на толстую книгу в красной коже. Каждая страница была заполнена заметками хранителя. Книга была ей знакома – собственно, это была та самая книга, которую ей нельзя было читать. Исписанная заметками, содержащими таинственную информацию, и хранившаяся где-то в избе, пока девушки не было.

Это единственная книга, которая возбуждала в ней невероятное любопытство, и единственная, которую хранитель никогда не позволит ей прочитать.

Когда она хотела глянуть на исписанную страницу, хранитель очнулся от своих мыслей, дернулся, с глухим звуком захлопнул книгу и вскочил с места. Внезапно зашипел, съежился и сел обратно, а на его лице появилась гримаса боли.

Венда спокойно налила стакан молока и села за стоящий посреди комнаты стол.

– Может, с этим следует обратиться куда-нибудь, – буркнула она.

– И куда? – одарил ее злым взглядом мужчина.

Она сделала большой глоток, после чего ответила:

– К ведьме под скалой, к кому же еще?

Хранитель в ответ фыркнул, как дикий кот.

– Ну, конечно, еще чего...

Естественно, она ожидала такой реакции, поэтому не слишком волновалась.

– Я вижу, что твои мази и эликсиры не помогают, – спокойно продолжала она. – Это длится уже слишком долго, у тебя каждый раз болит что-то еще. То живот, то голова, то спина. Зачем себя так мучить?

Тем временем мужчина поднялся со стула, пересел к обеденному столу, налил себе молока и потянулся к накрытому салфеткой хлебу, лежащему посреди стола.

– Оно не сильно болит, – буркнул он, явно не желая про-

должать эту тему.

Но Венда желала. На этот раз она не позволит сбить себя с толку.

– Понятно, что не сильно. Ты знаешь, как ты выглядишь? Глаза запали, кожа серая, словно высушенная земля, даже горбиться начал, – она покачала головой с видом сварливой бабы, ругающей упрямого ребенка. – Слушай, ты не можешь пить столько обезболивающих отваров, потому что они не лечат, а только облегчают симптомы. Ты же знаешь, что...

– Знаю, – вдруг рявкнул он, прерывая намазывание хлеба медом. – Знаю лучше, чем ты, соплячка. Я сам тебя этому научил. Не спорь со мной.

– А ты слушай, когда тебе желают добра.

– Следи за словами, девка! – Он одарил ее таким морозным взглядом, от которого большинство людей впадали в умственный паралич, а у самых болтливых случался паралич челюсти. А в сочетании с таким взглядом даже такое обычное слово, как «девка», звучало как самое сильное оскорбление.

Венда послушно замолчала, злая на себя, что послушалась его.

– А сейчас иди, – холодно бросил мужчина. – Мне нужно спрятать книгу.

Он поднялся, давая знак, что для него разговор закончен.

Венда почувствовала, что устала, и сдалась. Она пошла к дверям.

– Ты воспринимаешь меня как соплячку, а не знахарку, – буркнула она под нос. – Я уже взрослая, так много уже могла б...

– Правда? – прервал он. – Интересно, что такого ты могла б? Хотя, – буркнул он, – я берегу тебя для других целей.

– Бережешь? – кровь снова ударила ей в голову. – Для чего?

– Узнаешь в свое время.

Девушка закатила глаза.

– Хватит с меня этих твоих тайн и недомолвок!

– Венда, выйди! – прорычал вдруг хранитель, поворачиваясь к ней с яростью, превращавшей его лицо в чудовищную маску.

Девушка внутренне сжалась, хотя внешне сохраняла видимость твердости. Она знала, что проиграла. Снова.

Венда развернулась на пятках и ушла из избы, хлопнув дверями со всей силы.

Солнце почти зашло, заливая двор оранжевым светом. Девушка вышла со двора и остановилась немного дальше, на тропинке, что вела в сторону деревни. Она не могла вернуться, пока приемный отец не позволит ей. Она всматривалась вдаль невидящими глазами, в которых стояли слезы жалости и злости. Кот появился из ниоткуда, замурчал и начал тереться об ее юбку.

Через минуту хранитель прошел мимо нее, словно она была тенью. Накинул на плечи плащ и не сказав ни слова, дви-

нулся в сторону деревни. Его воспитанницу не волновало, куда и зачем он уходит. В эту минуту она желала ему только зла.

Она подхватила кота, уткнулась лицом в мягкую, теплую шерстку, шмыгнув носом, и пошла в избу. В тот момент, когда она положила руку на щеколду, над ее головой захлопали темные крылья. Она испуганно сжалась. Но это оказалась всего лишь сова, которая тенью сорвалась с крыши и последовала за хранителем.

Венда вздохнула с облегчением и заперла дверь.

* * *

Она не видела хранителя всю ночь и весь следующий день. Он не вернулся домой, и девушка начала волноваться.

Кот замурчал, благосклонно принимая нежности. Он не разделял беспокойства своей хозяйки.

– Что-то случилось, – тихо сказала она. – Не было такого, чтобы он не приходил домой. Он так сильно не напивается...

Она опустила кота на пол.

– Мур?

Довольный кот потрусил к миске с высоко поднятым хвостом, уверенный, что хозяйке понадобятся свободные руки, чтобы приготовить ему еду. Однако он жестоко ошибся.

Венда накинула на плечи плащ из грубой шерсти и глубоко вздохнула.

– Подожди, – сказала она коту, что таращился на нее с укором. – Как вернусь, получишь свой ужин. А сейчас мне нужно идти, пока не стало совсем темно.

Она вышла из избы и быстро пошла в сторону деревни.

Безмолвная тень отделилась от леса и незаметно последовала за ней.

Глава 2. Они среди нас

Озаряемое огненным ореолом солнце скрылось за горными вершинами. Весенний день сменила пахучая сырая ночь. После заката быстро темнело, и Венда боялась возвращаться в такое время. К счастью, дорога была недолгой, хотя с приемным отцом они жили в отдалении от густо застроенной деревни.

Их изба стояла на невысоком холме, фасадом выходила на деревню, а тылом упиралась в лес. Венда знала, что живет в сумраке. С детства она перевязывала раны хранителю, который возвращался непонятно откуда, порванный когтями и клыками, уставший сверх меры и молчаливый, словно камень. Поначалу ее переполнял страх. Вечерами за деревьями ей мерещились лешие и мамуны. А потом она выросла и привыкла. Чудовищ бояться не перестала, но, как и все дети, охотно слушала рассказы стариков про стригоев, полудниц и вампиров, и, хоть потом тряслась от страха, такие истории притягивали, как краюха хлеба с медом. Хранитель каждую свободную минуту учил ее изготавливать зелья, мази и эликсиры. Со временем начал показывать, как распознать опасное создание и справиться с ним, но эти знания ей еще ни разу не пригодились.

Она бежала по тропинке к деревне, ловя последние лучи солнца.

Она хорошо знала, откуда следует начинать поиски. Такое случилось и раньше.

Деревня была окружена горящими факелами, которые зажигались каждый вечер для защиты жителей. Раньше здесь был частокол, но последние владельцы замка приказали разобрать его. Крестьяне взбунтовались, но тех, кто кричал больше всего, быстро успокоили волчьи клыки и когти. Остальные со временем научились защищаться огнем от таившейся в темноте опасности.

Венда миновала круг факелов и быстро добралась до улочки, вдоль которой скалился разделяющий огорода плетень. Она замедлила шаг, восстанавливая дыхание. Старое здание корчмы являлось сердцем деревни. И хотя времена, когда здесь ночевали приезжие, давно прошли, вечерами шум все еще наполнял корчму, а мед и пиво лились рекой.

Девушка зашла в корчму как к себе домой. Хранитель и корчмарь были хорошими друзьями и часто общались, как и их дети.

– Венда? – Имир поставил перед клиентом кружку и, вытирая руки о фартук, поспешил к девушке. – Что ты тут делаешь так поздно?

– Ищу хранителя, – она нахмурилась, задирая голову, чтобы заглянуть парню в лицо. – Он был тут вчера? У вас ночевал?

Имир был очень высоким парнем с нежными зелеными глазами, в которых охотно утонула не одна жительница до-

лины.

– Нет, не было его, – сказал он, пожимая плечами. – Сегодня тоже еще не появлялся. Только что закончилось собрание по поводу Винне...

– Да? И что решили?

– Пока ничего, – Имир понизил голос до шепота. – Но после сегодняшнего полнолуния, наконец, похоронят. Стоян и кузнец сопротивлялись. Люди хотели посоветоваться с хранителем, но он не пришел.

Она покачала головой.

– Он пропустил собрание? В такое время? Это совсем на него не похоже. Он не вернулся домой. Я думала, он вчера напился и ночевал тут, чтобы не возвращаться по темноте.

– У нас он точно не ночевал, – ответил Имир. – Спросим у отца.

Ярт получил корчму от родителей и намеревался оставить ее своему сыну. Они управляли корчмой несколько поколений и были единственной семьей, в которой у мужчин были гладкие, белые и мягкие руки. Имиру от отца достался высокий рост, но люди говорили, что тонкие черты лица у него от матери. Венда не могла точно сказать, потому что не помнила его мать. Она исчезла очень давно...

– Не было его, – подтвердил Ярт, поговорив с девушкой. – Может, он в лесу? Ищет того, кто расколол череп Винне?

– Не знаю, мне он никогда не говорит о своих делах, – погрустнела знахарка. – А в последнее время мы не часто

виделись.

– Подождем еще или пора созывать людей? – спросил корчмарь.

– Ночью никто никуда не пойдет, – ответила девушка. – Подождем до утра, расскажем остальным и отправимся в лес на поиски.

Они замолчали, но взгляды вышли очень красноречивыми. Если в долине кто-то исчезал, его следовало начинать искать раньше, чем он превратится в кого-то, кто найдет дорогу домой и выпустит кишки спящим родственникам.

– Имир! Ярт! – закричали со стороны зала. – Пива!

Корчмарь машинально кивнул.

– Я пойду, а ты займись Вендой, сынок. Удачи, – буркнул он молодым людям и перед уходом внимательно посмотрел на девушку. – Абы до утра нашелся. Живой или мертвый.

После чего удалился со жбаном пива, и Венда с Имиром проводили его мрачным взглядом.

– Ладно, я домой пойду, – сказала девушка. – Тут ничего не высидишь. Хранитель может вернуться, станет меня искать и наделает еще больше проблем.

Имир неуверенно, но с рыцарским блеском в глазах посмотрел на нее.

– Тогда я пойду с тобой, – заявил он. – Не хочу тебя пугать, но мы не знаем, что там охотится в ночи, и если хранитель...

Он не закончил, но того, что сказал, оказалось достаточно.

Девушка только кивнула, и через минуту они вышли в ночь. Над лесом поднималась круглая луна.

Выйдя из корчмы, Венда поежилась от холода.

– Приветствую тебя, Месяц, небесный наследник... – машинально прошептала она заклинание, заворачиваясь в шерстяной плащ.

Имир вслед за ней поклонился яркой луне, и девушка услышала, как он шепчет традиционное приветствие. Не успели они сделать несколько шагов, как открылись двери корчмы.

– Имир, где ты? – воскликнул Ярт с осуждением в голосе.
– Ты ничего не забыл?

– Спасибо, отец! – крикнул парень, поймав брошенный мужчиной топор. – Ох! – выдохнул он.

Ярт, что-то бормоча, вместе с ярким светом корчмы скрылся за дверями. Венда остановилась и удивленно посмотрела на лицо друга, а потом проследила за его взглядом на крышу. Кроме блеска луны она рассмотрела немного.

– Ты видела? – прошептал парень, показывая наверх. – Там что-то двигалось!

Девушка почувствовала, как замирает ее сердце.

– Не видела, – тихо призналась она, но машинально стала искать заткнутый за пояс нож.

Они стояли молча несколько минут, вглядываясь в конек крыши, и секунды тянулись, словно часы.

Через минуту Венда опомнилась и потянула Имира за ру-

кав.

– Тебе, наверное, привиделось. Идем отсюда, пора двигаться.

Имир медлил. Несколько шагов он шел спиной, все еще глядя на крышу корчмы, выдающуюся на фоне синего неба.

– Может и так... – признал, наконец, неуверенным тоном и пошел за Вендой. – Наверное, привиделось. Это все из-за исчезновения хранителя. Если в лесу бегают что-то, что могло его убить, тогда мы...

Венда фыркнула.

– Знаешь, ты бы мог меня успокоить, а не пугать.

– Я только говорю то, что думаю.

Почти бегом они пересекли деревушку и большую часть дороги к избе знахаря. Все это время оба нервно вглядывались в деревья и кусты.

Они свернули с главной дороги на тропинку под гору, в сторону леса.

– Тебе одной не будет страшно? Может, лучше с тобой остаться? – предложил Имир. Он надеялся, что это прозвучало по-дружески, а не навязчиво.

– Ну, конечно, – буркнула Венда. – А утром мы должны будем пожениться, потому что люди не дадут нам жизни.

– А для тебя это такая страшная перспектива?

– Имир, что там? – Венда остановилась как вкопанная. – Там, на краю леса, видишь огонек?

– Сдурела?! – он решительно толкнул ее, а когда она стала

сопротивляться, схватил за руку и потянул в сторону виднеющегося в темноте двора.

– А если это хранитель? – дернулась она.

– Лазит со светом, чтобы чудовища его лучше видели? Двигай ногами. Это огонек или еще какое-то дерьмо. Бежим!

Они отвернулись от света, чтобы не поддаться его магии и не свернуть на лесную тропинку.

За минуту они, запыхавшиеся, добрались до плетня и дверей избы.

Но дом встретил их глухой пустотой.

* * *

Что именно произошло с Винне, никто не знал. Одно было бесспорным: он не верил в существование Рода или вампиров, призраков или оборотней. Он убеждал друзей, что чудовищ на свете уже нет, что так старейшинам удобно пугать и контролировать молодых. Потому без колебаний он поспорил с парнями, что ночью дойдет до Кладбища Проклятых, заберет оставленный там днем ножик и вернется, пока не пропоет петух.

Сейчас нож лежал возле мертвого тела, хотя с кладбища его принес кто-то другой. Растерзанный труп Винне нашли на середине пути, и в глазах парня застыло удивление. Точнее, только в одном глазу, второй вытек вместе с частью мозга, после того как что-то мощным ударом размозжило ему

голову.

– Лишь богам известно, который раз твержу тебе, что медведь бы головой не ограничился, – решительно заявил Стоян.

Изба Тинне была наполнена запахом трав, которые окружали лежащий на лаве труп. Дым рассеивал свет лучин, установленных вокруг изуродованной головы, покрытой белым полотном. Две маленькие сестры умершего спали за плетеной перегородкой. Родители пили пиво вместе с кузнецом Здамиром, его братом Стояном и рыжим Костьяном. Дальше от тела, у очага, грея старые кости, сидел дед, который то молчал, то бубнил что-то под нос, глядя на белый саван.

Шла четвертая ночь после смерти Винне. Плакальщицы настолько устали, что отупение подавляло горе, и единственное, чего они хотели, это дождаться утра и уже традиционно похоронить умершего. С нетерпением они ждали рассвета.

Тинне отодвинул деревянные ставни и выглянул через узкое окошко на улицу.

– Луна уже высоко и светит ярко, – сказал он. – Если сын должен был встать, он бы уже встал.

Мать парня с облегчением вздохнула и вытерла слезы.

– Хорошо, – бородатый кузнец покивал головой. – Но для спокойствия посидим до утра.

Тинне скривился.

– Ну, я вас из избы не выгоняю. Налей еще пива, женщина. Выпьем за душу Винне в Навии.

Она налила, они выпили. Вытерли усы и бороды рукавами застиранных рубаш.

– Вы вчера вой слышали? – спросил Костьян, а когда присутствующие кивнули в ответ, продолжил: – Это тот с волчьими глазами мог напасть на Винне. Я тут себе подумал, что какое-нибудь лесное чудище парня сожрало бы, а тот с волчьими глазами, как известно, злой, но людей не ест. Пока что. Он мог встретить Винне в лесу и убить его за то, что он человек. Все знают, какую злость на людей волкоглазые имеют.

Крестьяне скривились, переглянулись, обдумывая его слова.

– С этим можно согласиться, потому что хранитель не смог даже следов распознать, – сказал Стоян. – Волкоглазый недавно с гор вернулся.

– А, собственно, где он? – спросил Здамир с нескрываемым удовольствием. – Этот ваш хранитель? Разве он не должен сидеть тут с нами, чтобы защитить нас, если парень встанет?

– Должен, – признал Тинне. – Только его на совещании не было. Его девочка тоже искала...

Ему не нужно было заканчивать мысль, чтобы все подумали то же самое.

– Ну, ладно, – Здамир пожал плечами, не слишком беспокоясь. – Как потерялся, так и найдется. Налей еще пива, Тинне. Что? Чего уставились? Наверное, он пошел за тем,

что вашего сына убило. Так что сейчас или он, или его. Что-то к нам обязательно припрется. Я уверен. Припрется, как всегда.

* * *

Он проснулся немного не в себе.

Страх куда-то исчез, он не многое мог вспомнить из того, что было. Из темноты его вырвал чудовищный голод. Тело сжигала горячка. С трудом он выбрался на поверхность, раскапывая рыхлую землю руками и сдирая ногти до крови.

Он лежал тут один час или несколько дней?

Это не имело значения. Только бы погасить эту странную жажду. Невыносимое ощущение, желание, которое не позволяло забыть о себе.

Лес тонул в темноте и в тишине, созданной десятками безмолвно движущихся существ.

Он чувствовал, как кто-то или что-то следит за ним из укрытия. Ощущал на себе то изучающий, то выжидающий взгляд. Слышал вой волка, притаившегося поблизости. Если бы только он мог сосредоточиться...

Ах, это искушение было непреодолимым! Как от этого избавиться? Как?!

Тропинка перед ним осветилась золотисто-синим, нереальным блеском. Это луна вышла из-за туч и пробивалась между верхушками деревьев.

Круглая.

Голод стал невыносимым. Он чувствовал, что, если его не утолит, сойдет с ума.

Он неуклюже потащился в сторону, куда его тянул инстинкт. Туда, где он, наконец, утолит назойливую жажду, что скручивала внутренности и наполняла голову нескончаемой болью.

К людям.

* * *

– Может, это и волкоглазый, – рассуждал дальше Костьян.
– Но разве он мог лапой аж так размозжить череп?

– Леший... – неожиданно отозвался дед, оживая и широко открывая глаза. – У лешего есть дубина, и о-о-о, да! Он одним махом может размозжить голову!

Собравшиеся почувствовали себя неловко, но Тинне только закатил глаза.

– А отец снова за свое! Кто бы не усрался, всегда леший виноват!

– Да, смейся над стариком! – дед зловеще погрозил ему кривым пальцем. – Я помню, когда принесли батюшку, некоторые тоже смеялись. А у него рожа была такая же, как у этого умника под тряпкой.

Тинне пренебрежительно фыркнул.

– Подожди, – вмешался Костьян. – Дед уже видел такое?

– Видел ли? – взорвался крестьянин и, пока сын не успел что-либо ответить, начал рассказывать: – Всю жизнь эта картина у меня перед глазами! Я был маленьким ребенком, когда принесли моего любимого батюшку, вот как этого сопляка. Отец деревья в лесу рубил и что-то ужасное его уколошило. Старики сразу сказали, что он замахнулся на святое дерево, которое леший любит, но молодежь, как и сейчас, не хотела верить в чудовищ и лесных духов. Нужно, видать, пожить в этих горах и на трагедии насмотреться, чтобы разума набраться.

– Кстати, отец, – удрученно произнес Тинне. – Через несколько часов рассвет, я хотел бы, чтобы ты закончил рассказ к тому времени.

– Да, да, – дед понуро закивал головой. – Некоторые никогда уже глаз не откроют, даже когда боги у них дитя отнимут.

Тинне замолчал, будто кто-то его ударил, а дед заерзал на пеньке, который служил ему стулом. Он наклонился в сторону собравшихся и продолжил:

– Похоронили мы отца под маленьким могильным холмиком, а через несколько дней крестьяне вернулись на участок, где отец деревья рубил. И снова начали рубить и вдруг слышат... – Дед повысил голос, но все и так слушали его. – ... слышат вроде шепот в кронах деревьев, то тут, то снова там, и каждый раз с другой стороны. Громче и громче зловеще шептало, аж пока двое самых умных крестьян не пустились наутек и до деревни добежали. А когда вернулись, из тех, кто

не убежал, только один дышал. Он истекал кровью, потому что что-то сломало ему ногу. Но прежде чем дух испустил, успел еще сказать, что на них огромный медведь напал, а на медведе бородатый старик ехал и дубиной размахивал.

– Леший... – Костьян с почтением закивал головой.

Кузнец и Стоян уже были под впечатлением, и только Тинне исподлобья смотрел на отца.

– Леший, – подтвердил дед с ужасом. – Но это еще не конец. Похоронили убитых на кладбище и решили не ходить больше на тот участок леса. Но леший был разгневан и каждую ночь раскапывал могильные курганы убитых. Отца пощадил, может быть, потому, что из-за невежества он деревья рубил и понес заслуженную кару. А те другие виновны были, потому что знали. Они должны были понимать, что мой отец был предупреждением. И потому леший не дал им познать покой после смерти. Каждое утро могилы были раскопаны, словно мертвые хотели выбраться из них, но времени всегда не хватало. Даже Братмил, что тогда хранителем был, понял все и вместе с крестьянами пошел в то место в лесу, в святое место лешего, и посадил новые дубы. Извинился, покаялся и внезапно, – старик значительно повысил голос, – все закончилось, словно не было.

* * *

Венда не спала.

Она была не в состоянии лечь, зная, что с приемным отцом могло что-то случиться. Поставила дополнительную лучину снаружи в дверях, чтобы в случае чего отчим смог увидеть избу издалека. Сама она сидела возле очага и размышляла. Кот спал на ее коленях, а она лениво гладила его.

В долине никто не исчезал просто так. Если же жена иногда искала мужа, всегда находился кто-то, кто, случайно выглянув в окно, видел его в кустах с соседкой. Тут ничего нельзя было скрыть. Потому, собственно, хранитель, когда прибыл издалека, построил свою избу подальше от других. Для спокойствия. Никто, даже корчмарь, не знал, почему он оставил мир за горами. Высказывался мудрено, разбирался во многих вещах – в травах и битвах, и никогда не нарушал барьер между собой и жителями деревеньки.

Никто не знал, от чего он сбежал. И никто не спрашивал, зачем он привез маленькую девочку, которая, как он утверждал, не была его дочерью.

Венда тоже этого не знала. А сейчас не могла смириться с мыслью, что может уже никогда и не узнать.

Она не на шутку расстроилась. Лучина, что освещала избу, сгорела до половины. Ее пламя трепетало, потревоженное ветром, задувающим через неплотно закрытое окошко. Девушка встала, наклонилась и выглянула наружу, заслоня ладонью глаза от света. Ветер разогнал тучи, и окрестности залил свет луны. На фоне леса отчетливо вырисовывались очертания плетня и вытоптанной тропинки, что вела

от калитки к дому. На полпути вдоль тропинки притаился маленький сарай для дров. Свет преломлялся на неровных грядках, занимающих почти весь двор. После зимы торчало несколько вечнозеленых трав и кустарников.

Было пусто и спокойно.

– Куда ты ушел? – тихо буркнула она под нос. – Кто, как не ты, должен был знать, что в полнолуние нельзя выходить из избы...

Из мыслей ее вырвал стук, доносящийся из сеней.

Девушка аж подскочила и отодвинулась от окна с круглыми, как блюдца, глазами. С сердцем у горла она тихонько подошла к дверям. Выглянула в темноту именно в тот момент, когда что-то тяжелое вновь ударило в стену между хлевом и избой. Потом с жутким долгим шорохом опустилось на пол.

Венда в ужасе таращилась в стену, словно могла просверлить ее взглядом.

Большинство людей в долине держали своих животных в избе, для тепла и удобства. Если корова должна была отелиться зимой, не нужно было вылезать из-под теплых шкур каждые несколько часов, чтобы ее проверить. Прислушиваясь к непрекращающемуся шуму, девушка пожалела, что хранитель не выделил помещение для животных, когда строил дом. Когда Варней подарил ему корову за то, что тот спас его жену при родах, со стороны сеней знахарь достроил маленький хлев.

Топтание и шарканье не умолкало. Венда боролась с со-

бой: выйти или не выйти? Тут было безопасно. Но там была корова. Их единственная корова. Живая. Пока. Боже, как она бушевала.

Девушка по звукам понимала, что в помещении был еще кто-то. Тот, кто так испугал ее.

Выйти или не выйти?

Она немного успокоилась, по крайней мере, уговаривала себя успокоиться.

Она схватила палку, что на всякий случай стояла в углу сеней. Ее тяжесть придавала девушке уверенности. С бешено колотящимся сердцем она рванула двери. Она знала, что если откроет их медленно, то они пронзительно заскрипят и привлекут внимание всех созданий в округе к бедной выходящей в ночь жертве. Она не затворила за собой, чтобы в случае чего быстро вернуться. С палкой наготове Венда двинулась через освещенный потусторонним светом двор.

Шум из хлева то затихал, то усиливался. Корова, скорее всего, пыталась освободиться от привязанной к рогам бечевки и нервно ее дергала.

«Этот второй звук, – подумала Венда, как можно тише пробираясь на подмогу. – Словно... шум крыльев?»

Двери в хлев были открыты, и оттуда выглядывали лишь страх и темнота. Венда сделала несколько шагов. Крепче перехватила палку и переступила с ноги на ногу.

Из темноты прямоугольника дверей отделилась шумная фигура, которая словно стрела вылетела из коровника. Боль-

шая птица захлопала крыльями над головой девушки. Ванда произвольно сжалась. От неожиданности ей не хватило сил даже крикнуть. Птица минуту висела в воздухе, словно одурманенная, потом, наконец, восстановила равновесие и полетела в сторону деревни.

С минуту девушка не знала, что делать. Так и стояла с палкой над головой.

Наконец с облегчением перевела дыхание.

– Сова, – буркнула она под нос, выравниваясь и опуская руки.

Потом посмотрела в сторону хлева, думая про корову.

– Это сова ее напугала...

Она замерла, слушая собственные слова. Вновь подкрался леденящий страх, щупальцами обхватил сердце и заморозил кровь.

Слова Огонька, произнесенные в тот странный момент, когда мир замер, сейчас сорвались и с ее языка.

Она не успела больше ни о чем подумать, потому что из хлева донеслось странное, ритмичное шарканье, которое на долю секунды ее парализовало.

Беги в дом – подсказывал инстинкт. Но другая часть разума быстро подкинула иную мысль: если войдешь, волк не сможет спасти тебя.

Она отступила на два шага, ощущая себя как маленький лесной зверек, который знает, что у него нет шанса убежать от хищника, наблюдающего за ним из темноты. Но то, что

произошло через минуту, не могло присниться даже в самом страшном сне. Шарканье приближалось. В темноте замаячила предположительно человеческая фигура, показавшаяся знакомой. Через мгновение Венда крикнула:

– Это ты?! – Она опустила палку. – С ума сошел, так меня пугать? И где ты был весь день?..

И снова она застыла от ощущения страшного холода в груди. Ледяной страх.

Хранитель сделал два медленных шага. Он едва отделился от тени, но этого хватило, чтобы при лунном свете увидеть четыре вертикальных следа от когтей, что тянулись от лба до подбородка, нечеловеческое застывшее лицо и разорванную одежду, покрытую бурыми пятнами. И пустоту на месте руки, оторванной от тела.

– Венн...нда, – с натугой захрипел мужчина.

Девушка отступила, как загипнотизированная вглядываясь в знакомое, но чужое лицо, искаженное... смертью.

– Но... как?.. – в ужасе пролепетала она.

Хранитель остановился, шатаясь, словно ему мешала рука, которую ничего не уравновешивало.

– Быстрррро, – пробормотал он. Странная судорога искривила его лицо, словно боль появилась и исчезла. Он вытянул руку в сторону девушки.

– Хранитель... – произнесла она затаив дыхание. – Ты не... ты...

Что-то за ее спиной грозно зарычало. Ей не нужно было

оборачиваться, чтобы понять, что это волк. Палка выпала из ее онемевшей руки. Дыхание ускорилося.

– Быстрррро... – снова захрипел хранитель, шатаясь на ногах. – Боллль...

На секунду что-то страшное вспыхнуло в мертвых глазах. С кровавых губ вырвался свист. Рычание за спиной Венды стало громче.

Хранитель сжался, а когда снова поднял голову, боли в его глазах стало больше.

– Книг... – почти неслышно пробормотал он.

Девушка сразу поняла, о чем он говорит.

– Я не знаю, где она, – прошептала в ответ. После чего повторила громче: – Не знаю, где ты ее прячешь, забыл? Ты должен...

Она не закончила.

Мертвеца снова скрутила какая-то сила, неестественно выгнула его назад. В глазах появился тот же опасный блеск, а с губ сорвался рев. Та часть существа, которая все еще принадлежала хранителю, пыталась удержать контроль над чудищем, жаждущим только человеческой плоти.

К несчастью, она проиграла.

Неожиданно быстро живой труп двинулся вперед, вытягивая к Венде свою уцелевшую руку с растопыренными пальцами, словно когти атакующей птицы.

Девушка испуганно вскрикнула.

Темная фигура выскочила из-за спины и кинулась на хра-

нителя, заталкивая его назад в темноту хлева. Внутри заклокотало.

Венда только и смогла, что сделать несколько шагов, и огромными глазами тарасилась на дверной проем.

«Бежать», – подумала.

«Корова», – тут же пришло в ответ. Ее подопечная.

Она огляделась. Вилы и коса находились в хлеву. Девушка направилась к дровянику. Просунула руку внутрь вдоль проломленной крыши и нащупала топор. И как обычно бывает в таких ситуациях, его заклинило, и Венда дергала топор, ругаясь на чем свет стоит, пока не вытащила его. Она повернулась к хлеву как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромный волк проскальзывает в дыру в плетне. Он не обернулся, просто исчез в темноте, сливаясь с лесом.

Минуту она смотрела ему вслед, одновременно прислушиваясь к звукам в хлеву. Но кроме топанья коровы, все еще возбужденной и отупевшей от паники, не слышно было ничего подозрительного. Сжимая в руках топор, Венда побежала к дому. Схватив лучину и удерживая ее высоко над головой, чтобы не слепить себя, она кинулась на помощь животному, вооруженная и готовая к бою.

Сначала она увидела ноги.

Девушка вошла внутрь, освещая себе дорогу. Труп хранителя лежал на полу с серебряным гвоздем, вбитым глубоко в лоб, и сейчас он точно был мертвым. Корова подозрительно тарасилась на девушку, втиснувшись в самый даль-

ний угол хлева. Венда подошла и распутала бечевку, успокаивающе разговаривая с животным. Через несколько минут корова начала приходить в себя. Венда гладила жесткий широкий нос, радуясь тому, что рядом с ней обычное живое существо. Похоже, ее присутствие и тихий голос принесли неопишное спокойствие и корове. Потом девушка вернулась к трупу. Удивительно, но она не плакала.

Венда села возле приемного отца, сложив руки на коленях.

Как замороженная, она вглядывалась в чужое лицо. Ее преисполнило облегчение. То, что она видела, не имело ничего общего с хранителем, которого она знала. Девушка глубоко вздохнула. Его уже нет, думала она. Это был не он.

Она накрыла труп дерюгой и вышла, закрывая за собой двери. В этот раз на щеколду. Потом до рассвета сидела за столом, пила мед и думала. Она не могла понять, что стало с хранителем. Почему на помощь ей пришел волк? И как он забил хранителю в голову серебряный гвоздь?

* * *

– Рассвет.

В избе Тинне плакальщицы вздохнули с облегчением.

– Долгая была ночь, – кузнец встал с пенька и расправил свои большие плечи.

– Но хорошо, что закончилась, – добавил его брат Стоян.

– Да, все мертвые на своих местах, – засмеялся кузнец, но Тинне одарил его убийственным взглядом и уже хотел что-то прорычать в ответ, когда они услышали стук в двери корчмы, что находилась по соседству. Они вышли из избы и в сером свете начинающегося дня увидели Венду, стучащую в двери дома.

Вскоре все жители собрались во дворе дома знахаря, и девушка повела их напрямиком к хлеву. Она спокойно зашла, жестом показала на кучу, прикрытую дерюгой, из-под которой торчали только ноги. Ярт присел и обнажил голову убитого. Все, кроме Венды, непроизвольно скривились.

– Ради Эллениале! Что его так успокоило? – спросил Тинне слабым голосом.

– Не знаешь, Венда? – кузнец головой показал на торчащий из лба хранителя серебряный, длиной в две с половиной ладони, гвоздь.

Девушка едва заметно вздрогнула.

– Знаю, – неохотно ответила она. Венда колебалась лишь мгновение, потом решительно ответила: – Я. Но он уже был мертвым. Пришел мертвяком. Сам не знал, то ли за помощью, то ли чтобы меня съесть. Потом кинулся на меня, но у меня в руке уже был гвоздь и... он сам научил меня защищаться...

Она задрожала, а Имир обнял ее за плечи, утешая. Она не протестовала. Грустно смотрела на труп у своих ног.

Ярт накрыл тело дерюгой.

– Я верю тебе, девочка. – Он покачал головой. – Главное, чтобы все поверили.

– А почему они не поверят? – неожиданно возмутился Тинне. – Видно же, что он без одной руки и шрамы от когтей... при таком раскладе, тут должна быть лужа крови.

Ярт машинально оглянулся в поисках следов, которых тут не было.

– Ну и рука тоже... – смутился Стоян. – Она должна быть где-то тут, а ее нет. Но можно было перенести тело, это не обязательно должно было произойти тут.

Тинне фыркнул.

– Оглядишься, Стоян. Хлев выглядит, как побоище, видно же, что боролись тут.

– Да, – кивнул кузнец. – Или Венда убила хранителя, притащила сюда и для видимости перевернула ведра и косу.

Тинне открыл рот, чтобы запротестовать, но передумал.

– Девушка не подняла бы такого мужчину, как хранитель, – сказал он через минуту, но не так уверенно.

– Кто-то мог ей помочь, правда? – кузнец пожал плечами.

– Ну знаете что?! – возмутился Имир, аж дрожа от злости.

Венда успокаивающе похлопала его по руке. Она ожидала этого. Кому-то это должно было прийти в голову.

Она покивала головой, заставляя себя улыбнуться.

– Понимаю, – ответила спокойно. – Знаю, на что это похоже. Но правда в том, что я не убивала хранителя.

– Мы знаем, – поспешно заверил ее Ярт.

– Для меня правда очевидна, – лояльно заявил Тинне. – Было так, как говорит Венда. Все, что мы тут видим, убеждает меня в этом.

– Ну да, – вздохнул корчмарь. – Доказательств достаточно. Тем более, то, что убило Винне, все еще бродит там.

– Леший...

– Отец? – Тинне поискал глазами. – Мой отец тоже тут?

– Какой леший? – удивился Ярт, на что поднялся ропот среди тех, кто сторожил этой ночью умершего, а Тинне замахал руками, как мельница.

– Ради Эллениале, даже не подпускай его!

Ярт открыл рот, но потом закрыл, ничего не сказав, и повернулся на шум в хлеву.

– Ну так как?

Как-то машинально все посмотрели на кузнеца. Тот кинул странный взгляд на девушку.

– Ладно, я верю, – с неохотой произнес он. – Но мы не похороним его в кургане. Закопайте его на Кладбище Проклятых. Это правильно.

Знахарка вяло кивнула.

– Пойдемте скажем людям, – вздохнул Ярт.

Венда вышла из хлева последней. На первый взгляд твердая и рассудительная, внутри – слабая от горя и усталости. Когда мужчины направились к деревне, Тинне положил ей руку на плечо с видом человека, который редко позволяет себе такую фамильярность.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, девочка, – сказал он тихо. – Знаю.

Потом он направился за остальными, а Венда осталась во дворе одна. Корова замычала, сердитая, что никто из людей не кинул ей сена.

«Ничего ты не знаешь, – подумала девушка, с грустью глядя на уходящих. – Твой сын не встал из мертвых. Не разговаривал с тобой. И похоронят его среди своих, а не среди проклятых».

Как чудовище.

* * *

В тот день в долине было двое похорон. Одни на деревенском кладбище, где сложили костер и останки стали пеплом. Прах похоронили в мелкой могиле с любимым ножиком Винне, жбаном меда и калачом, чтобы он смог оттрапезничать в новом мире и имел что-то дорогое сердцу.

Странные были эти похороны. Из-за отсутствия хранителя церемонию проводил Тинне, прося подземных богов, Велеса, великих змей и демонов о милости для своего сына. Засыпание землей сопровождалось плачем женщин и молчанием мужчин. Каждая семья приносила какой-нибудь дар для убитого, а после возведения небольшого кургана над урной с прахом все делились скромной едой. В конце Тинне взял глиняный кубок, из которого символически пил дух его

сына, вылил пиво на курган, а сам кубок разбил, оставляя черепки на могиле.

– Больше уже на этом свете тебе не пить, сынок, – прошептал он.

Мать парня, что стояла рядом, начала рыдать, и он прижал ее к себе. Посмотрел на горстку людей, которые медленно расходились по домам, оставляя родителей на кладбище. Как всегда в таких ситуациях, пришли почти все жители деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.